

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ РЕМЕСЛА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В ДРЕВНОСТИ

(По данным металлургии и гончарства)

К. Х. КУШНАРЕВА (Ленинград)

Интенсивные раскопки археологических памятников различных эпох Южного Кавказа дали значительный материал для постановки и решения ряда вопросов палеоэкономики. Однако глубокое и всестороннее изучение хозяйства древних обществ с выводами исторического порядка возможно только на основе специального подхода к полевым исследованиям древних памятников — полного раскрытия поселений, точную фиксацию всех остатков хозяйственной деятельности, обязательные статистические подсчеты, применение при обработке массовых материалов трассологических исследований. К сожалению, и сейчас, когда вопросы палеоэкономики начали вызывать интерес археологов¹, большая часть полевых работ ведется еще без учета перечисленных выше требований.

Сказанное выше в полной мере относится к изучению домашних промыслов и ремесел, составляющих важную часть экономики древних обществ², в частности общества Южного Кавказа. Здесь мы располагаем весьма ограниченным кругом источников; материалы по ряду конкретных периодов и регионов, имеющиеся в распоряжении исследователей, исчерпываются чаще всего готовой продукцией, дающей возможность приблизительно реконструировать лишь сам процесс того или иного вида производства. Поэтому наиболее восстанавливаемой оказывается технологическая сторона дела. Проблемы же организации ремесла в целом, куда входят такие вопросы, как разделение труда, взаимосвязь ремесленников и их продукции с остальной массой общинников, положение профессионалов в древнем обществе и многие другие моменты социального порядка, в силу своей специфики не могут быть решены на чисто археологическом материале. Здесь на помощь разрозненным археологическим фактам могут прийти осторожно отобранные этнографи-

¹ См., например, С. Н. Бибиков, Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья, «Советская археология» (СА), 1965, № 1; В. М. Массон, Метод палеоэкономического анализа в археологии, «Краткие сообщения Института археологии» (КСИА), вып. 127, 1972; А. Я. Щетенок, К изучению экономического базиса древнеиндийской цивилизации, КСИА, вып. 134, 1973.

² «Домашние промыслы и ремесла». Тезисы расширенного заседания Сектора Средней Азии и Кавказа Института археологии АН СССР, Л., 1970; В. М. Массон, Ремесленное производство в эпоху первобытного строя, «Вопросы истории» (ВИ), 1972, № 3, стр. 107.

ческие параллели, а для Южного Кавказа — богатый арсенал сведений из древневосточных письменных источников.

Раскопки десятков поселений V—IV тысячелетий дали поток новой информации. Поселения были распространены по всему Южному Кавказу и прилегающим областям³. Это были небольшие, незащищенные оседлые поселки, жители которых занимались земледелием, скотоводством, охотой и некоторыми производствами. Круглые дома строились из глины и сырцового кирпича. Хотя повсеместно господствовали еще каменные орудия труда и оружие, металл уже начал входить в употребление.

Самый обширный материал поселений — керамика — лепился вручную из грубой глины с крупными примесями; формы сосудов были примитивными, часто асимметричными, лишенными стандартности, качество обжига крайне низким. Первые производственные площадки, где мог совершаться обжиг, обнаружены на поселениях Шому-тепе и Иланлы-тепе⁴. Это были небольшие, забитые золой корытообразные углубления с обмазанными глиной стенками. Аналоги нашим «ванночкам» мы находим в неолитическом Джейтуне и в поселении хассунской культуры—Ярым-тепе⁵. Оба памятника свидетельствуют также об определенной концентрации процесса обжига в пределах поселения уже в то отдаленное время. На Ярым-тепе, в частности, на одном производственном участке зафиксировано 13 обжигательных печей. О коллективном способе обжига говорят также раскопки Джейтуна⁶ и раннего поселения Южной Туркмении—Дашлыджи-тепе⁷.

Десятки этнографических примеров позволяют считать, что изготовление примитивной посуды и в древности было занятием женщин. Интересно, что лепкой домашней посуды до недавнего времени занимались женщины во многих деревнях Армении и Азербайджана⁸. Весьма архаичное производство сохранилось и в некоторых горных селениях Таджикистана. Здесь все процессы, начиная от выбора глины и кончая

³ См. К. Х. Кушнарeva, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа, Л., 1970, стр. 21; О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили. Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии, Тбилиси, 1971; Р. М. Торосян, Раскопки Техутского поселения, «Историко-филологический журнал», 1968, № 1.

⁴ См. И. Г. Нариманов, Раскопки неолитического поселения Иланлы-тепе, «Археологические открытия», 1968, М., 1969, стр. 396.

⁵ См. Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии, СА, 1971, № 3, стр. 150.

⁶ См. В. М. Массон, Поселение Джейтун, «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА СССР), № 180, Л., 1971, стр. 35.

⁷ См. И. Н. Хлопин, Геоксюрская группа поселений эпохи неолита, Л., 1964, стр. 116, рис. 48.

⁸ См. С. Д. Лисициан, Очерки этнографии дореволюционной Армении, «Кавказской этнографический сборник», I, М., 1955, стр. 194; А. А. Измайлова, Гончарство Азербайджана конца XIX в. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1970 г. в Азербайджане», Баку, 1971, стр. 36.

обжигом посуды, выполнялись исключительно женщинами⁹, причем лепка посуды производилась либо в домах, либо на площадках около домов, а обжиг был сконцентрирован в одном для всего селения месте. Женский труд при лепке посуды применялся и у феллахов Египта¹⁰.

Однородный в целом характер энеолитической керамики на столь обширной территории указывает на имевший место определенный традиционализм в энеолитическом гончарном производстве Южного Кавказа. Вместе с тем примитивный ее характер является бесспорным показателем отсутствия еще гончаров-специалистов. Очевидно, лепка и обжиг посуды производились в рамках каждой общины и являлись сферой применения женского труда.

Для выявления характера другого вида производства исключительно важные наблюдения были сделаны при раскопках одного из южных энеолитических памятников Армении — поселения Техут¹¹. Здесь, почти в каждом доме, был обнаружен небольшой камень, рядом с которым, как правило, валялись отходы, образовавшиеся при изготовлении каменных изделий. Такие «домашние кузницы» убедительно говорят о децентрализации этого вида производства, при котором каждая семья изготавливала необходимые для себя орудия.

В какой мере древнее население Южного Кавказа было знакомо с металлом, сказать пока трудно. Производственные остатки литейного дела на энеолитических поселениях не найдены, а готовая продукция исчисляется всего десятком мелких поделок, изготовленных, судя по высокому содержанию мышьяка (до 5,6%), уже из искусственных сплавов¹². Косвенным свидетельством об освоении первичной стадии местной металлургии — добыча и последующая выплавка меди из руды — служит находка шлаков и типичных для энеолита каменных молотов (очевидно, для руды) в древних выработках сел. Цители-сопели, около Болниси. Начали ли в этот период эксплуатироваться многочисленные месторождения меди в зонах процветания оседлоземельских культур V—IV тысячелетий — в Алавердском, Кафанском, Джульфинском, Марнеульском и других районах, в настоящее время утверждать трудно. Можно лишь думать, что богатейшие рудники Армянского нагорья (Эргани-Мадена, Сасунские и Рштунийские горы и др.) к этому времени в какой-то мере использовались, так как в ряде «энеолитических» поселений этого региона (Чатал-Эйюк, Хаджилар, Геой-тепе, Тильки-тепе) уже с VII—VI тысячелетий встречаются поделки из меди.

С начала III тысячелетия намечается значительный подъем южнокавказской металлургии. Наиболее важным здесь представляется во-

⁹ См. Е. М. Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, «Труды Института этнографии», XII, стр. 17—130.

¹⁰ См. «Народы Африки», М., 1954, стр. 195.

¹¹ См. Р. М. Торосян, Раннеземледельческая культура Армении. Автореферат, Ереван, 1971, стр. 8, 12.

¹² См. А. Ц. Геворкян, Древнейшая металлургия и горное дело Армении. Автореферат, М., 1972, стр. 8.

прос об источниках сырья, на котором базировалось местное производство. Серией анализов установлено, что высоконикелистая бронза, в частности, проникла в Закавказье из южных и юго-западных областей¹³.

Наличие горно-металлургического дела в III тысячелетии до н. э. доказывается находкой горнодобывающих орудий, остатками литейного дела почти на всех ключевых поселениях в виде мастерских, металлургических горнов, сопл, тиглей, литейных форм, медных брусков, кусков шлака и, наконец, разнообразной продукцией металлообработки (известно свыше 250 предметов этого времени), обслуживающей различные сферы хозяйственной и духовной жизни древнего человека¹⁴. В этот период наблюдается вытеснение ведущих типов каменных изделий металлическими. То была ступень «сознательной» металлургии, для которой уже хорошо известны сложные сплавы (медь+мышьяк, медь+свинец, а к самому концу III—началу II тысячелетий медь+олово, медь+мышьяк+сурьма, олово+свинец), регулируемые в отдельных случаях в зависимости от назначения изготавливаемой вещи; в этот период оказываются освоенными отливка изделий в формах и по восковой модели, холодная и горячая ковка, кузнечная сварка, техника волочения. Отмеченный уровень металлургии, являющейся, по выражению Г. Чайлда, «наиболее абстрактной и охватывающей наибольший круг вопросов наукой»¹⁵, свидетельствует о начавшемся уже выделении ее в самостоятельную производственную отрасль, которой занимаются специалисты из числа общинников.

Какой же рисуется организация этого производства, если исходить из археологических данных, известных сегодня? Удаленность ряда поселений со следами литейного дела от металлоносных районов наводит на мысль, что в среде металлургов, занятых в этом процессе, наметилось уже первое деление на рудокопов или горняков, добывавших руду на месте, и металлургов-литейщиков.

Пройдя первичную обработку, руда в виде металлургического сырья доставлялась (в порядке налаженного обмена) на поселения, где в маленьких мастерских работали литейщики и кузнецы. Одна из таких мастерских с плавильной печью, тиглями, кусками шлака и литейными формами обнаружена на поселении Гарни¹⁶. Другая — с тремя плавильными печами — на поселении Баба-дервиш II¹⁷. Наконец, третья — с металлургическим горном и кучей технического угля—раскопана на посе-

¹³ См. там же, стр. 14.

¹⁴ См. Ц. Н. Абесадзе, Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э., Тбилиси, 1969. (Количество находок было бы значительно большим, если учесть, что поломанные вещи шли в переплавку).

¹⁵ См. Г. Чайлд, Археологические документы по предистории науки, «Вестник мировой культуры», 1957, № 2, стр. 63.

¹⁶ См. Э. В. Ханзаян, Гарни, IV, Ереван, 1966, стр. 169.

¹⁷ См. Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов, О древнейшей металлургии Кавказа, СА, 1968, № 4, стр. 21.

лении Амиранис-гора¹⁸. Остатки литейного дела зафиксированы почти на всех ключевых поселениях III тысячелетия.

Южнокавказские мастера изготавливали в этот период ведущие типы орудий и оружия (серпы, кинжалы, топоры, копья, «штыки»), а также разнообразные украшения (диадемы, булавки, кольца, браслеты). Находки каменных литейных форм свидетельствуют о появившейся уже тенденции к серийному выпуску продукции. Вместе с тем сравнительно небольшой еще масштаб производства в целом, а также определенное единообразие, в масштабе Закавказья, предметов металлообработки указывают пока на отсутствие специализации мастерских, изготавливающих определенные, характерные только для этих мастерских изделия.

Близкой этнографической моделью примитивного ремесла в условиях натурального хозяйства может служить дореволюционное кузнечное дело у туркменского племени мурчали¹⁹. Здесь на каждый аул приходилось 2—3 кузнеца-родственников, работавших в маленькой мастерской с горном, около которого прямо на полу лежала куча угля. Изготавливался довольно стандартный набор изделий — лопаты, серпы, ножи, бритвы, цепочки и т. д. Продукция кузнецов обычно не выходила за пределы аула. Оплата производилась натурой, чаще всего зерном. За 1 нож или 1 серп мастер получал 1 фунт пшеницы, за 1 лопату — 1,5 фунта пшеницы.

К концу III тысячелетия намечаются первые центры металлообработки, проявляющие тенденцию к специализации на определенном виде продукции. Археологически это документируется пока еще слабо. Такие центры, бесспорно, уже начали намечаться на территории Армении²⁰. К концу III тысячелетия выявляются мастерские Сачхерского района, специализирующиеся на выпуске характерных серповидно изогнутых узколезвийных топоров, булавок с проволоочной обмоткой и молоточковидной головкой²¹.

Возникновение специализированных металлообрабатывающих мастерских должно было предопределить зарождение межобщинного обмена, который в какой-то мере теперь фиксируется и археологическими данными. Показателем этого может служить проникновение упомянутых топоров за пределы узколокального района Сачхере и находки их на территории Армении, южных районов России, а позднее — Восточной Европы²². Другой вид изделий — колхидские топоры — проникают из районов Западного Закавказья, через Армению, в Малую Азию (клад в Ор-

¹⁸ См. К. Х. Кушнарева, Т. П. Чубинишвили, указ. соч., рис. 21.

¹⁹ См. Д. Овезов, Ремесла и домашние промыслы у племен мурчали, «Изв. АН Туркмен. ССР», 1957, № 2, стр. 122.

²⁰ См. А. А. Мартиросян, К предистории древнейших этапов культуры Армении, «Историко-филологический журнал», 1960, № 1, стр. 91.

²¹ См. Ц. Абесадзе, указ. соч., стр. 132.

²² О. Д. Лордкипанидзе, Д. П. Мухелишвили, V Международный конгресс экономической истории (МКЭИ), М., 1970, стр. 1.

ду)²³. В это же время изделия из руд Кафанских, Белоканских, Кадабекских месторождений начинают поступать на север, к племенам Предкавказья²⁴.

Обособившиеся раньше других специалистов родового коллектива кузнецы и литейщики, занимавшиеся опасным и несколько таинственным делом, с самого же начала уже проявляют тенденцию к территориальному отделению, пытаясь тем самым сохранить «секреты производства». Нам представляется, что расположение первых южнокавказских мастерских на окраинах поселков является не случайным. Позднее, в эпоху развитой бронзы, тенденция эта нарастает и приводит в некоторых случаях к организации мастерских на значительном расстоянии от поселков.

Еще одной гарантией сохранения профессиональных секретов являлась, как показывают многочисленные этнографические примеры, передача их по наследству — от мастера к его сыну или ближайшим родственникам. Это явление засвидетельствовано на разных континентах как в качестве пережитков у некоторых современных народов, так и у многих племен, находящихся на ранних стадиях развития. На Кавказе, в частности у абхазов, где очень развит культ кузни, профессия кузнеца носит родовой либо фамильный характер²⁵. У азиатских бурят кузнецом также может стать только человек, среди предков которого уже были кузнецы²⁶. Кузнечное ремесло передавалось по наследству у всех народов банту²⁷. Африканскому мастеру в его работе помогали сыновья. Профессиональные приемы хранились в строжайшей тайне, что заставляло кузнецов селиться в уединенных местах, обычно в пересеченной скалистой местности.

Существенные сдвиги в Закавказье III тысячелетия намечаются и в области гончарного производства. На смену архаичной посуде со слабым обжигом приходит высококачественная чернолощенная обожженная «до металлического блеска» посуда стандартных форм и определенного ассортимента. Часть посуды покрывается сложной орнаментацией, что указывает на наличие у древних гончаров эстетических потребностей. Постепенно входит в употребление гончарный круг²⁸. В печах после предварительного обжига производилось «томление» или «задымление»

²³ См. А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, стр. 126.

²⁴ См. Е. Н. Черных, История древнейшей металлургии Восточной Европы, М., 1966, стр. 46.

²⁵ См. Г. Ф. Чурсин, Материалы по этнографии Абхазии, Сухуми, 1917, стр. 75, 76.

²⁶ См. Ю. Липс, Происхождение вещей, М., 1954, стр. 155.

²⁷ См. А. Т. Брайант, Зулусский народ до прихода европейцев, М., 1953, стр. 238, 240.

²⁸ См. А. А. Бобринский, Р. М. Мунчаев, Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе, КСИА, вып. 108, 1966; Т. Н. Чубинишвили, К древнейшей истории Южного Кавказа, Тбилиси, 1971, стр. 40, 44, 45, 51.

посуды (опыты З. Майсурадзе, А. Джавахишвили и др.)²⁹ при низкой температуре с целью получения характерной для «куро-аракской» посуды черной поверхности. «Этот способ чередования обжига и неполного сгорания, создающего в закрытой гончарной печи нужную рабочую среду, мог быть выработан только при наличии определенных навыков, приобретенных во время выплавки металлической руды, где копать играет существенную роль в восстановительном процессе»³⁰. Это кажется чрезвычайно интересным для нашей темы, так как наглядно иллюстрирует обмен опытом, осуществлявшийся в Закавказье где-то в III тысячелетии между металлургами и гончарами, т. е. ремесленниками, занятыми в различных сферах древнего производства.

Наконец, единственная на Кавказе гончарная мастерская, дошедшая от этого периода (Великент)³¹, располагалась так же, как и литейные мастерские, на окраине поселения, что указывает на связь великентских гончаров со своей родовой общиной.

Итак, в III тысячелетии в связи с ростом производительных сил и усложнением технологической базы таких производств, как металлургия и гончарство, последние становятся уже делом мастеров. Однако ремесленники эти, выйдя из числа родовых общинников, по-видимому, продолжают оставаться членами своей общины и работают на нее, получая вознаграждение за свой труд натурой либо от общинников, либо от общины, т. е. из общественного фонда. Тесная связь с общиной в этот период могла, как показывает серия этнографических примеров, выражаться также в посильном участии ремесленников и их семей в сезонных общественных работах. На этом этапе ремесло только начало отделяться от основной хозяйственной базы—земледелия и скотоводства.

В первую половину II тысячелетия металлургическое производство заметно расширяется, разветвляется, совершенствуется. Возросшие потребности общества стимулируют поиски новых металлов—начинается

²⁹ См. З. П. Майсурадзе, Технология черных и серых лощеных сосудов грунтовых погребений в Самтавро, «Сообщения Академии наук Грузинской ССР», Урбиниси, I, Тбилиси, 1962, т. XIII, № 4, 1954, стр. 254; А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонтин, Урбиниси, I, Тбилиси, 1962, стр. 49. Аналогичные опыты для получения черно-красной поверхности (black-red ware) хирбет-керакской посуды были проведены за рубежом Г. Франкфортом, Н. Сукеником, А. Лукасом. См. H. Frankfort, *Studies in Early Pottery of the Near East*, I, стр. 10; J. Suenik, *On the technique of khirbet-kerak ware*, „Bulletin of American School of Oriental Research“, № 106, 1947, стр. 9; А. Лукас, Материалы и ремесленные производства древнего Египта, М., 1958, стр. 562. (Наряду с этим, существует точка зрения, что посуда куро-аракского типа предварительно обмазывалась мучнистым раствором, в который иногда вводился особый пигмент—сажа).

³⁰ См. Т. Н. Чубинишвили, Куро-араксинская культура в Закавказье в III в. до н. э. VII Международный конгресс доисториков и протонисториков, М., 1966, стр. 134.

³¹ См. В. Г. Котович, Новые археологические памятники южного Дагестана, «Материалы по археологии Дагестана», т. I, Махачкала, 1959, стр. 123; Р. М. Мунчаев, Древнейшая культура северо-восточного Кавказа, МИА СССР, 1961, № 100, стр. 74.

широкое освоение сурьмы, золота, серебра, свинца. Процесс добычи и выплавки сурьмы, в частности, восстанавливается по исследованиям Г. Ф. Гобеджишвили древних выработок Зопхитского месторождения (Горная Рача)³². Устанавливается, что обогащенную на месте добычи руду спускали до лесной зоны, где в специальных печах проходила плавка металла. Масштаб и многоступенчатость этого процесса скорее всего должны были предопределить участие в нем специалистов разных категорий—одни могли добывать и обогащать породу, другие — выплавлять металл, третьи—изготавливать изделия. Логично думать, что здесь горнодобывающая ветвь была территориально и организационно отделена от металлообрабатывающей.

Производственные остатки на поселениях II тысячелетия остаются до сих пор почти не изученными. Одно из них—Узерлик-тепе, раскопанное наиболее полно, показало, что производство металлических изделий происходит все еще в пределах поселения, на самой его окраине³³.

Подъем производительных сил, наступивший в связи с интенсивным развитием скотоводства³⁴, и увеличившиеся в связи с этим потребности общества вызвали к жизни в этот период новые формы материальной культуры. Это коснулось прежде всего металлургии, что выразилось в создании многокомпонентных сплавов, а также проявлении совершенно новых форм бронзовых изделий. Именно в этот период были созданы прототипы всех ведущих форм изделий эпохи поздней бронзы (секиры, втульчатые копья, рапиры, латы, долота, крюки, котлы, вазы, различные украшения). Вместе с тем выпуск архаичных, отживших типов изделий прекращается.

Помимо причин внутреннего порядка, определенное воздействие на прогресс закавказской металлургии должно было оказывать соседство богатых южных областей Армянского нагорья, а также Малой Азии, население которых, благодаря высоким металлургическим традициям, к началу II тысячелетия было втянуто в интенсивный обмен с другими странами Передней Азии. Именно в это время в восточной части Малой Азии, в условиях общества, стоявшего на грани классового образования, возникли торговые колонии, разветвленная деятельность которых стала хорошо известна после прочтения табличек из архивов Каниша (Кюльтепе)³⁵. Всего в торговлю канишского объединения было втянуто свыше ста поселений. В Каниш в результате операций торговых агентов-тамкаров стекался металл из окружающих стран. Для того чтобы иметь доступ к рудникам и приобрести металл, малоазийские тамкары держали

³² См. Г. Ф. Гобеджишвили, Археологические раскопки в Советской Грузии, «Вестник Академии наук Грузинской ССР», 1952, стр. 54.

³³ См. К. Х. Кушнарева, Новые данные о поселении Узерлик-тепе, МИА СССР, 1965, № 125, стр. 79, рис. 11.

³⁴ См. Б. Б. Piotrovskiy, Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, СА, XXIII, 1955, стр. 5.

³⁵ См. И. Б. Янковская, Клинописные тексты из Кюльтепе в собраниях СССР (Памятники письменности Востока, XIV), М., 1968.

стада, отгонявшиеся на далекие периферийные пастбища в зонах рудных месторождений.

Хотя в документах мы не находим упоминаний о племенах, обитавших в Закавказье, однако среди поставщиков металла, безусловно, могли быть и они (особенно те племена, которые населяли богатейшую медными рудниками его западную часть—Аджарский и Чорохский районы). Эти районы почти граничили с северной группой малоазийских торговых колоний (Самуха, Турхумит и др.)³⁶. Рудные богатства, бесспорно, выкачивались и из богатых полезными ископаемыми областей к югу и западу от оз. Ван—Эргани-Мадена, Сасунских и Рштунийских гор.

Каниш был крупнейшим рынком по сбыту меди. Здесь же была сосредоточена вся обработка металлов. Предпочтение при купле отдавалось обогащенной меди; в документах упоминаются медь и серебро в разных степенях обработки — «промытые», «измельченные» и др. Документы сообщают и об операциях с готовыми изделиями, выпускаемыми канишскими мастерами. Последнее удивительно удачно дублируется археологическими находками в торговом квартале города (слой IА—XVIII в. до н. э.), где была обнаружена металлообрабатывающая мастерская, служившая одновременно домом ремесленника и его семьи³⁷.

Если учесть, что «общество Армянского нагорья этого периода (т. е. середины II тысячелетия до н. э.— К. К.) стояло, по-видимому, на уровне, близком к состоянию общества Малой Азии того времени, когда начиналось проникновение туда ассирийских купцов-колонистов и подготовлялся процесс образования первых государств»³⁸, то приведенные материалы начала II тысячелетия по металлургии и торговле соседней Малой Азии могут послужить некоторой базой для моделирования этих отраслей хозяйства у племен, обитавших на Южном Кавказе в середине II тысячелетия до н. э. При этом надо делать поправку на некоторое отставание социальной организации южнокавказского общества от малоазийского.

Как уже упоминалось, металлургический цикл в этот период в Закавказье приобретает большие масштабы. Готовая продукция становится предметом межобщинного обмена, который начинает осуществляться новой категорией людей—торговцами или посредниками. К первой половине II тысячелетия относится «клад торговца» (или литейщика) в Уреки³⁹. Но пока еще это «первая ласточка», единичное явление. К середине тысячелетия количество таких кладов нарастает; самые крупные

³⁶ См. И. М. Дьяконов, *Предыстория армянского народа*, Ереван, 1968, карта № 1.

³⁷ См. Tahsin Özgüç, Report on a Work-shop belonging to the late phase of the colony period, *“Türk Tarih kurumu Belleten”*, XIX, 1955, стр. 77.

³⁸ И. М. Дьяконов, *указ. соч.*, стр. 75.

³⁹ См. О. М. Джанаридзе, Краткий отчет об археологических разведках в Грузии в 1948 г., *«Краткие сообщения Института истории материальной культуры»*, XXXIX, 1951, стр. 98.

из них концентрируются в Западном Закавказье, указывая на пути торговли⁴⁰.

В связи с усилившейся дифференциацией общества и образованием богатой родоплеменной верхушки резко увеличивается спрос на изделия ювелирного дела, которое во II тысячелетии достигает небывалого расцвета. Одна часть ювелирных предметов добывалась в результате обмена, другая—изготавливалась на месте. Этот вид древнего ремесла, доведенного, судя по уникальным изделиям из Триалети, Кировакана, Узунлара, Дманиси, до степени искусства, несет на себе в целом черты стилистической близости с хеттским миром, указывая тем самым на существование определенных связей между родоплеменной верхушкой закавказского общества и населением Малой Азии. Мастера-ювелиры теперь имеют в своем распоряжении сложное техническое оснащение—деревянный вращающийся станок для выдавливания и ковки сосудов, деревянные формы, сердечники, измерительные и режущие инструменты; они виртуозно владеют техникой зерни, скани, филиграни, штамповки, чеканки, инкрустации, изготовления рельефов и круглой скульптуры⁴¹.

На определенную социальную значимость ювелира указывает появившийся к этому времени обычай класть вместе с умершим мастером его рабочие инструменты. Первое (и пока единственное) погребение ювелира в Авневском кургане убедительно сигнализирует об этом⁴².

Богатый инвентарь погребальных комплексов дает представление о качественных сдвигах и размахе гончарного производства⁴³. К числу достижений в этой сфере следует отнести широкое применение гончарного круга, овладение сложными видами обжига на окислительном и восстановительном огне, введение циркуля и некоторых счетных навыков, изобретение ряда приемов обработки поверхности в виде разноцветных ангобов, красочной росписи, пунктирно-гребенчатого штампа, полихромной инкрустации, рифления.

На смену стандартному набору чернолощеной посуды неожиданно приходит огромное разнообразие форм, фасонов, красок, рисунков, оттенков. Встречаются подлинно уникальные вещи, сделанные руками настоящих художников, искусство которых зачастую перекликается с искусством ювелиров, изготавливавших посуду из драгоценных металлов. Идет и обратный процесс—появление техники изготовления металлических сосудов путем вытягивания и проковки⁴⁴ принадлежит эпохе,

⁴⁰ См. Д. Л. Коридзе, К истории колхской культуры, Тбилиси, 1965, стр. 11.

⁴¹ См. Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, стр. 100.

⁴² См. Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе, Бронзы древней Грузии, Тбилиси, 1939, стр. 27; Б. А. Куфтин, указ. соч., стр. 84.

⁴³ См. А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы..., стр. 47; О. М. Джапаридзе, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1969.

⁴⁴ См. Ф. И. Тавадзе, В. А. Баркая, Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам, СА, XX, 1954, стр. 358.

«когда опыт гончарного круга сумел заставить мастеров по золоту обращаться с пластическими свойствами драгоценных металлов, как с глиной...»⁴⁵.

Во второй половине II—начале I тысячелетий кавказская металлургия достигает своего апогея—наступает подлинный расцвет бронзовой металлургии и начинается период освоения железа. Это документировано сотнями категорий изделий, обслуживавших различные сферы человеческой деятельности. Повышенный спрос на них как внутри страны, так и за ее пределами потребовал непрерывной добычи металла; есть основания считать, что большая часть кавказских рудопроявлений к этому периоду была уже освоена.

О накоплении значительных запасов металла и размахе металлургического процесса говорят древние выработки с их сложными обогащательными системами⁴⁶, а также мастерские и десятки так называемых кладовых литейщиков. Состав находок в цагверской мастерской⁴⁷ (например, каменная ступа для толчения руды, слитки меди, литейные формы, «шишки», тигли, сопла и разные бронзовые предметы) показывает, что здесь процесс выплавки металла был соединен с металлообрабатывающим делом, т. е. налицо был весь металлургический цикл. В нем, бесспорно, участвовали специалисты разной квалификации.

Аналогичная картина наблюдалась и в мастерской Квемо-Кеди⁴⁸, занимавшей огромную территорию. Здесь были открыты плавильные печи и связанные с ними помещения с рабочими инструментами. В пределах мастерской на разных участках производились различные операции — на одном выплавляли медь из руды, на другом изготовляли сплавы, на третьем выпускали готовые изделия.

Сложный металлургический комплекс представляет собой Мецамор⁴⁹. Здесь зафиксированы скальные обогащательные системы, множество горнов, сопла, формы для отливки изделий. Привлекают внимание расположенные поблизости святилища, бесспорно, связанные с происшедшими здесь производственными процессами.

Таким образом, это были производственные центры, в которых работали ремесленники разных специальностей. Напомним, что первые две мастерские были вынесены далеко за пределы жилья. Локализа-

⁴⁵ Б. А. Куфтин, указ. соч., стр. 98.

⁴⁶ См. О. Хннкян, О некоторых вопросах металлообработки в эпоху поздней бронзы, «Историко-филологический журнал», 1971, № 3, стр. 281.

⁴⁷ См. А. А. Нессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, Изв. ГАИМК, вып. 120, Л., 1936, стр. 141.

⁴⁸ См. К. Н. Пицхелauri, Древняя культура племен, населявших территорию Иоро-Алазанского бассейна, Тбилиси, 1965, стр. 61.

⁴⁹ К. Ч. Ишбашидзе, Ч. З. Угратдзе, К. У. Фришдзеш, *Об-дзარ, ბრძნე*, 1973; см. также Э. В. Ханзаян, Итоги полевых работ на поселении Мецамор. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР, Тбилиси, 1970, стр. 55; А. А. Мартиросян, Поселения и могильники Армении эпохи поздней бронзы, Ереван, 1969, стр. 4; О. Хннкян, указ. соч., стр. 283.

ция таких «комбинатов» на отлете от мест обитания—один из признаков отделения металлургического ремесла от других видов хозяйственной деятельности.

Менее крупные мастерские, связанные только с металлообработкой, устраивались в этот период и на самих поселениях. Медь здесь не выплавляли. Переплавляли только старые поломанные вещи. Характерными примерами в этом плане могут служить мастерские на двух поселениях Араратской равнины—доурартского поселения Тейшебани и Двинского поселения. Состав находок первой из них (тигли, литейные формы, ступки, песты и др.) говорит о прохождении в одном и том же месте процесса вторичной плавки меди, переплавки старых орудий и изготовления готовой продукции⁵⁰. В этой мастерской особенно важным представляется совмещение бронзолитейного дела с отличным по технологии железоделательным производством, зафиксированным в виде десятков железных криц.

В двинской мастерской вторичный металлургический процесс документируется находками небольшого горна, сопел, слитков меди, литейными формами, наковаленками, нестами и серией изготовленных тут же предметов.

Выявлению других многочисленных центров металлообработки способствует картографирование различных категорий изделий с конечным установлением их ареалов. Здесь по мере накопления фактов выводы становятся все более точными. В свое время, например, Г. К. Ниорадзе⁵¹ установил, что мечи и кинжалы «кахетинского» типа изготавливались на обширной территории к северу от Куры. Картографирование 153 мечей и 97 кинжалов этого типа привело недавно К. Н. Пицхелаури⁵² к четкому установлению в пределах немеченных раньше границ уже трех производственных районов, в каждом из которых работала группа мастерских, специализировавшихся на выпуске оружия определенного «фасона». Характерный «почерк» мастерской, выпускавшей продукцию в начале I тысячелетия где-то в пределах Карабаха⁵³, был установлен автором этих строк по уникальным для Закавказья бронзовым предметам конской сбруи, отделанным инкрустацией и мелкой скульптурой.

Число этих примеров может быть увеличено во много раз. В целом же вся территория Южного Кавказа в этот период оказывается охваченной сетью металлообрабатывающих мастерских, из которых каждая работает с характерным для нее уклоном. Крупные масштабы некоторых из них, а также оторванность их от мест поселений говорят о том, что массовая продукция изготавливалась уже для сбыта на рынках. Часть

⁵⁰ См. А. А. Мартиросян, Новые данные по истории города Тейшебани, «Историко-филологический журнал», 1963, № 3, стр. 330.

⁵¹ См. G. Nioradze, Das Grab von Semoawtschala, „Bulletin du Musée de Géorgie“, VI, Tiflis, 1931, стр. 207, map.

⁵² См. К. Н. Пицхелаури, указ. соч., стр. 125.

⁵³ См. К. Х. Кушнарева, Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе, СА, XXVII, 1957, стр. 168.

этой продукции, судя по находкам вне пределов Кавказа, вывозилась. Таким образом, ремесленная продукция приобретает в этот период уже товарный характер. Непосредственная связь ремесленника с общиной и общинным хозяйством оказывается нарушенной.

Иным представляется и социальное положение ремесленника, о чем можно судить по погребальным памятникам. Напомним, что для первой половины II тысячелетия мы пока знаем только одно погребение мастера-профессионала — это могила ювелира в Авневи. Позднее погребения все чаще и чаще дают ответ на вопрос, кто похоронен в той или иной могиле и кем он был при жизни. Теперь атрибуция отдельных погребений помогает раскрыть профессию покойных. Граверу-косторезу кладут в могилу полировальные бруски, а также заготовки в виде фалангов и костяных пластин (Самтавро, а позднее — Бамбеби)⁵⁴, плотнику — топор, пилу и долото (Артик, Лчашен и др.)⁵⁵, кожевнику — резак и набор пластин для обработки и тиснения кожи (Лчашен и др.)⁵⁶. К несколько более позднему времени относится пока единственное погребение гончара с орудием для полировки и нанесения орнамента⁵⁷.

Для нашей темы наибольший интерес представляют погребения литейщиков. Недавно такие погребения были открыты и на Южном Кавказе. Самые ранние из них (XIII—XI вв. до н. э.) обнаружены в известном Артикском могильнике⁵⁸; в погребение № 285, в частности, был положен набор орудий мастера — ложечки, тигли, льячки⁵⁹. Разнообразный ассортимент орудий, связанных с бронзолитейным делом, окружал центральное погребение коллективной могилы в сел. Ахлатян в Сисиане⁶⁰; здесь рядом с мастером лежало большое копье, тигли, сопла и формы для отливки стержней.

Интересный комплекс открыт в Ганднади (IX—VIII вв. до н. э.)⁶¹. Здесь набор орудий мастера был еще разнообразнее — три каменные формы для отливки секир и две для плоских топоров «с плечиками»; одна из них на боковой плоскости имела дополнительную форму для отливки четырехгранного стержня. В погребении были также два тигля, две ступки для толчения руды и глиняная трубка для заливки расплавленного металла.

⁵⁴ См. Д. А. Хакхутаишвили, Погребение гравера из некрополя Бамбеби, «Вопросы древней истории», Тбилиси, стр. 136.

⁵⁵ См. Г. Е. Арешян, Орудия труда Артикского могильника, «Историко-филологический журнал», 1970, № 3, стр. 251; А. О. Минацаканян, Раскопки курганов на побережье озера Севан, СА, 1957, № 2, стр. 148.

⁵⁶ См. Т. С. Хачатрян, Орудия труда эпохи поздней бронзы и раннего железа Армении, «Труды Государствен. историч. музея Арм. ССР», т. V, Ереван, 1959, стр. 242.

⁵⁷ См. Д. А. Хакхутаишвили, Уплисцихе. I, Тбилиси, 1964, стр. 85.

⁵⁸ См. Т. С. Хачатрян, Материальная культура Артика, Ереван, 1963, стр. 66.

⁵⁹ Раскопки Т. С. Хачатряна (материал не издан).

⁶⁰ Раскопки М. С. Асратяна (материал не издан; упоминание о нем имеется в статье А. А. Мартirosяна. Новые данные..., стр. 230).

⁶¹ Г. Б. Аваллишвили, Погребение литейщика из могильника в Ганднади, СА, 1970, № 4, стр. 183.

Погребения мастеров подчеркивают не только их принадлежность к избранной профессии, но в первую очередь обозначают их положение в обществе. Сопровождающий рабочий инвентарь является теперь личной собственностью мастера.

Другим археологическим критерием состояния металлургического ремесла и характера сбыта продукции являются наводнившие в этот период Южный Кавказ многочисленные клады⁶². Число их перевалило уже за сотню. Подавляющее большинство кладов концентрируется в Западном Закавказье. Эта категория памятников наряду с мастерскими и готовой продукцией доказывает резкое увеличение запасов металла у населения.

Дифференциация кладов на разные категории, предложенная в свое время Г. Чайлдом⁶³, дает археологам новый материал по организации ремесла в целом. Так, по его мнению, «клады литейщиков», в состав которых входят обычно слитки металла, металлолом и старые, идущие на переплавку изделия, указывают на концентрацию запасов металла в руках мастеров-литейщиков⁶⁴. В кладе из сел. Тола, например, было слитков свыше чем на 80 кг; вес Ахалкалакского клада приближался к 130 кг⁶⁵, а в составе Замосимонетского клада было 179 слитков металла⁶⁶. «Клады купцов», состоящие из серии новых, не бывших в употреблении вещей, проливают свет на масштабы и пути торговли. Эти пути идут на дальние расстояния: на юг—в области Армянского нагорья, на север—в Предкавказье, на северо-запад—в Молдавию и на Украину. Металл хранится и в скромных «домашних кладах». Наконец, об огромных запасах металла у населения говорит уникальный «вотивный клад» в Малаани⁶⁷, где в одном месте было сложено огромное количество разнообразного оружия весом в несколько сотен килограммов, принесенного, очевидно, в жертву богу войны.

Масштабы и уровень торговли постепенно приводят к необходимости превращения того или иного вида товара во всеобщий эквивалент, в так называемые первобытные деньги. Судя по архивным документам Каниша, Угарита⁶⁸, Палестины⁶⁹, металл во II—начале I тысячелетий уже имел здесь меновую стоимость. Основную монетарную функцию выполняло серебро; в обращении было также золото и медь разных качеств. В какой мере в эти операции могло быть втянуто население Юж-

⁶² См. Д. Л. Коридзе, указ. соч. (карта).

⁶³ См. G. Child, *The bronze age*, Cambridge, 1930, стр. 43.

⁶⁴ См. Д. Л. Коридзе, указ. соч., стр. 42.

⁶⁵ См. Е. Такайшвили, Мастерская медных топоров около Ахалкалаки, «Известия Кавказск. отделения Московск. археологич. общества», вып. III, 1912, стр. 172.

⁶⁶ См. Д. Л. Коридзе, указ. соч., стр. 24.

⁶⁷ См. К. Н. Пицхелauri, указ. соч., табл. XVI—XXX.

⁶⁸ См. М. А. Гельцер, Экономика сирийского города во II тыс. до н. э., V МКЭИ, 1970.

⁶⁹ См. И. Д. Амузин, Денежно-весовая система в древней Палестине в первой половине I тыс. до н. э. V МКЭИ, 1970.

ного Кавказа, из-за отсутствия письменных свидетельств сказать трудно. По-видимому, одним из всеобщих эквивалентов в богатом металлом Кавказе становятся медь или бронза, которые со второй половины II тысячелетия имеют обращение, в форме массивных колец разного веса, указывающего на различную их меновую стоимость. Такие кольца, в частности, выпускались двинской металлообрабатывающей мастерской. Самое тяжелое из известных на Кавказе колец, явно непригодное для повседневной носки, найдено в Грузии, в кладе Квишари⁷⁰. Его вес 2,728 кг, что иллюстрирует недавно высказанную в связи с этнографическими параллелями мысль о том, что гиперболизация и миниатюризация некоторых предметов подтверждает выполнение ими функции всеобщего эквивалента, первобытных денег⁷¹.

Все эти археологические документы отражают новые явления в социально-экономической жизни общества, свидетельствуя в первую очередь о широком развитии торговли и о завершении выделения металлургического производства в особую отрасль ремесла.

Завершение этого процесса происходит и в гончарном деле. Судя по раскопкам в Мингечауре, Хирсе и Ховле⁷², хорошо оборудованные гончарные мастерские с концентрацией десятков обжигательных печей (в Ховле, например, их было около 50) обычно также выносились за пределы поселений, являя собой пример сложной и разветвленной организации этого вида производства. Таких гончарных центров в Закавказье было множество. В трудоемкий и многоступенчатый процесс изготовления различного рода керамики оказывается втянутой большая масса профессионалов. Такие гончарные центры производили посуду уже для широкого сбыта ее на рынке. Есть все основания считать, что гончары-ремесленники работали в этот период уже вне связи с обычным сельскохозяйственным циклом работ, осуществляемых основной массой общинников.

Итак, на последнем этапе первобытнообщинного строя, совпадающем на Кавказе с периодом поздней бронзы—раннего железа, масштаб таких видов производства, как металлургия и гончарство, превосходящий много раз всю предшествующую продукцию, значительное укрупнение мастерских и их расположение вдали от мест поселений, выпуск ими специфической для каждого производственного центра продукции, имеющей уже товарный характер, и, наконец, появление погребений профессионалов и различных категорий кладов свидетельствуют о завершении процесса отделения ремесла в целом от ведущих форм экономики — земледелия и скотоводства, т. е. о наступлении второго крупного общественного разделения труда.

⁷⁰ См. Г. К. Пнорадзе, Археологические раскопки в Квишари, «Вестник Государственного музея Грузии», В—XV, Тбилиси, 1948.

⁷¹ См. В. М. Массон, Обмен и торговля в первобытную эпоху, ВП, 1973. № 1, стр. 84.

⁷² См. Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. Н. Ионе, Древний Мингечаур, Баку, 1959, стр. 144; К. Н. Пицхеллаури, указ. соч., стр. 54; Д. А. Хахутаишвили, Вопросы истории городов Иберии, Тбилиси, 1966, стр. 126.

ԱՐՀԵՍՏԱԳՈՐԾՈՒԹՅԱՆ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՁԸ ՀԱՐԱՎԱՅԻՆ ԿՈՎԿԱՍՈՒՄ ՀՆԱԳՈՒՅՆ ԺԱՄԱՆԱԿՆԵՐՈՒՄ

(Ըստ մետաղագործության և բուսագործության նյութերի)

Կ. Ք. ՓՈՒՇԵԱՐՅՈՎԱ (Լենինգրադ)

(Ա մ փ ո փ ո լ մ)

Հնագույն հասարակությունների տնտեսության անբաժանելի մասն էին կազմում վաղ արհեստները, որոնք վկայված են արհեստանոցների մնացորդներով, բազմապիսի պատրաստի արտադրանքով։ Այդ բնույթի կովկասյան նյութերը մինչև այժմ քննության են ենթարկվել արտադրական տեխնիկայի տեսանկյունից։ Մինչդեռ աշխատանքի կազմակերպման հարցերը Կովկասում նախնադարյան-համայնական կարգերի պայմաններում՝ դուրս են մնացել հետազոտության ոլորտից։ Այդ հարցերին է նվիրված մեր ներկա հոդվածը։

Էնեոլիթի ժամանակաշրջանի (մ. թ. ա. V—IV հազ.) ամենամասսայական նյութի՝ խեցեղենի ուսումնասիրությունը թույլ է տալիս ենթադրել, որ նրա արտադրությունը ապակենտրոնացված էր, այսինքն իրագործվում էր յուրաքանչյուր ընտանեկան բջի տնտեսության շրջանակներում։ Մետաղագործության կազմակերպումը էնեոլիթի շրջանում դեռևս հնարավոր չէ վերականգնել։

Վաղ բրոնզի ժամանակաշրջանում (մ. թ. ա. III հազ.) բրուտագործությունը և մետաղագործությունն են դառնում առաջին վարպետների զբաղմունքը, սակայն այդ վարպետները, ըստ երևույթին, շարունակում էին մնալ իրենց տոհմական համայնքի անդամը և վարձատրությունը ստանում էին կամ համայնական ֆոնդից, կամ էլ առանձին անհատներից։ Վարպետների կապը համայնքի հետ կարող էր իրականացվել տոհմական կոլեկտիվի համար ընդհանուր գյուղատնտեսական աշխատանքներին նրանց մասնակցությամբ։

Միջին բրոնզի ժամանակաշրջանում (մ. թ. ա. II հազ. առաջին կես) տեղի է ունենում արհեստագործական արտադրության առաջատար ճյուղերի հետագա ընդլայնում և բարդացում։ Հայտնվում են պրոֆեսիոնալ արհեստավորների առաջին թաղումները. սա ցույց է տալիս, որ համայնքի անդամների մեջ նրանք առանձնանում էին որպես հատուկ կատեգորիա։ Համայնքի հետ արհեստավորների կապը աստիճանաբար խափանվում էր, նրանք արդեն սպասարկում էին ոչ միայն իրենց տոհմակիցներին, այլև արտադրում էին շուկայի համար։ Փոխանակությունն ընդլայնվում էր։

Նախնադարյան-համայնական կարգերի վերջին փուլում, որը Կովկասում համընկնում է ուշ բրոնզի—վաղ երկաթի դարաշրջանին մ. թ. ա. II հազ. վերջ—I հազ. սկիզբ), արհեստավորական արտադրանքի մասշտաբները ընդլայնվում են (այդ արտադրանքն արդեն ապրանքային բնույթ ունեն), մետաղագործական և բրուտագործական արհեստանոցներն ընդարձակվում են, ավելանում է արհեստավորների թաղումների, ինչպես նաև արհեստների և առևտրի հետ կապված տարբեր տեսակի դրածոների քանակը։ Առևտուրը դառնում է հասարակության տնտեսական կառուցվածքի անբաժանելի մասը։

Այս ամենը վկայում էր այն մասին, որ տնտեսության առաջատար ճյուղերից՝ երկրագործությունից ու անասնապահությունից առևտրի անջատման պրոցեսն ավարտված էր։